

КТО ЖЕ ОТДАЛ ПРИКАЗ ОБ УБИЙСТВЕ ЛОРКИ?

Руис Алонсо и впоследствии много раз намекал на то, что был просто «пешкой», выполнял чей-то приказ. Чей? Вальдеса? Что же тогда мешало ему в 70-х годах, когда майора давно не было в живых, а ситуация в стране изменилась, назвать его имя? Может быть, речь шла о приказе Кейпо? Почему же он не назвал генерала? Кейпо уже 12 лет как умер, причем умер в опале — Франко его терпеть не мог, отстранил от всякой политической деятельности. Почему же Руис Алонсо отказался от возможности оправдаться? Кого он боялся?

СЛОВО — ГЛАВНОМУ ПАЛАЧУ

Есть, наконец, свидетельство, оставленное самим Франко. Их два: одно датируется ноябрем 1937 года, второе, малоизвестное, — февралем 1955 года.

В первом случае Франко дал интервью мексиканской газете «Пренса»: «За границей очень много говорят об одном писателе из Гранады, подлинный талант которого мне не дано оценить, как невозможно судить, насколько широко распространилась бы за пределами Испании слава о нем, останься он в живых. О нем говорят так много потому, что красные использовали его имя для своей пропаганды. Однако факт остается фактом: в первые моменты восстания в Гранаде этот писатель погиб, так как связался с бунтовщиками... Это естественные случайности, неизбежные в ходе военных действий. Гранада в течение долгого времени находилась в осаде, безответственные действия республиканских властей, раздавших людям оружие, привели к вооруженным стычкам в городе, в одной из которых и потерял жизнь этот гранадский поэт... Так что запомните раз и навсегда: мы не расстреливали никакого поэта».

Во втором случае Франко говорил достоверно, не догадываясь, что его адъю-

тант, он же и двоюродный брат, бережно записывает все его высказывания «для истории» и после смерти каудильо издаст их отдельной книгой. Вот что говорил Франко в 1955-м: «Да, это был великий поэт. Он был расстрелян в первые дни нашего движения (так Франко называл фашистский мятеж. — Х. К.). Гранада находилась фактически в осаде, в очень тяжелом положении. Нужно было предвидеть любые ответные действия со стороны левых. Приходилось расстреливать самых видных из них. А именно таким был Гарсиа Лорка... Судить об этом можно, лишь вжившись в те времена...»

Оценить подлинный смысл слов диктатора тоже нужно, «вжившись» в те времена, когда они были произнесены. Слава Лорки стала всемирной, и франкистская пропаганда принялась трубить, будто его гибель была случайностью, «издержкой» соперничества между разными группировками, результатом сведения личных счетов и т. д. Но близкому человеку Франко этих «служебных» версий не повторяет. Ни слова о Вальдесе. Ни слова о Кейпо де-Льяно. В интимной обстановке каудильо просто констатирует: убийство Лорки было следствием политической и военной обстановки, как он, Франко, их понимал. Следствием «необходимой» мятежникам системы репрессий — системы, которую создавал и вдохновлял лично сам Франко.

И если счастье эти слова каудильо за признание — а как иначе можно их расценить? — то остается последний вопрос: зачем понадобилась диктатору расправа над Лоркой, которого в Испании так любили, любили за яркий, неповторимый талант, за натуру, щедрую ко всему окружающему?

Подытоживая опыт событий 1936—1939 годов, испанский историк и философ Сальвадор де Мадарьяга писал: «Теперь стало совершенно очевидным, что те, кто

пожелает развязать гражданскую войну, должны прежде всего уничтожить все запреты, которыми люди сознательно сдерживают живущего в них зверя; только тогда им удастся сделать целую страну жертвой всеобщего человеческого зверства».

Франко философов не читал и не любил. Но, «закаленный» в колониальных войнах в Африке и в расправах над астурийскими горняками, пришел к сходному выводу на основе собственного опыта карателя и вешателя. Развязав гражданскую войну, каудильо с первых же ее дней старался уничтожить все моральные запреты, разорвать узы дружеских, родственных и иных привязанностей, дававшие знать о себе и в стане фалангистов. Лорку эти исконные человеческие чувства, как известно, оградили от преследований в первые дни мятежа. И будущему диктатору представлялось важным — даже невзирая на резонанс за пределами страны — эффектным ударом закончить с этими «расслабляющими» эмоциями, «мякотелостью», повязать кровью как можно больше людей, показать на ярком примере, что нет и не может быть «неприкосновенных», натравить сына на отца, жену на мужа, брата на брата.

Но был у каудильо в «деле Лорки» и еще один, уже конкретный побудительный мотив, связанный с его личной «корыстью».

ТАЙНА ПАПКИ № 8

В январе нынешнего года в Испании издана книга журналиста Эдуардо Молины Фахардо «Последние дни Гарсиа Лорки», появления которой исследователи давно ожидали. Фахардо сам был фалангистом, и с ним откровенно говорили те, кто не пожелал беседовать с Гибсоном и другими иностранцами.

Однако оказалось, что написанное жур-

налистом в целом не представляет особой ценности, отличается тенденциозностью, несет на себе явный налет провинциализма. А вот документы, собранные автором (а они составляют девять десятых издания), все же могут сказать кое-что новое, если читать их критически и внимательно.

Особый интерес представляет беседа, Фахардо с сыном майора Вальдеса, записанная в мае 1976 года. Вальдес-младший передал журналисту архив отца и сообщил, что получил документы аккуратно разложенными по папкам, но одна из папок, под № 8, с надписью «Дело Гарсиа Лорки», оказалась пустой. Между тем на внутренней стороне обложки сохранилась надпись, из которой явствовало, что в папке находились важные бумаги, включая секретные.

Вальдес-сын обратился в архив министерства внутренних дел в Мадриде. И что же? «Вся документация по делу Гарсиа Лорки», — рассказывал он Фахардо, — находилась там, но они не захотели показывать мне. Почему? Не знаю. Может быть, решили, что еще не настало время... Но ведь единственное, чего я хотел, — чтобы наконец-то стала известна вся правда, какой бы она ни была, подлинная правда, проливающая свет на то, какую роль сыграл мой отец в этой драме!»

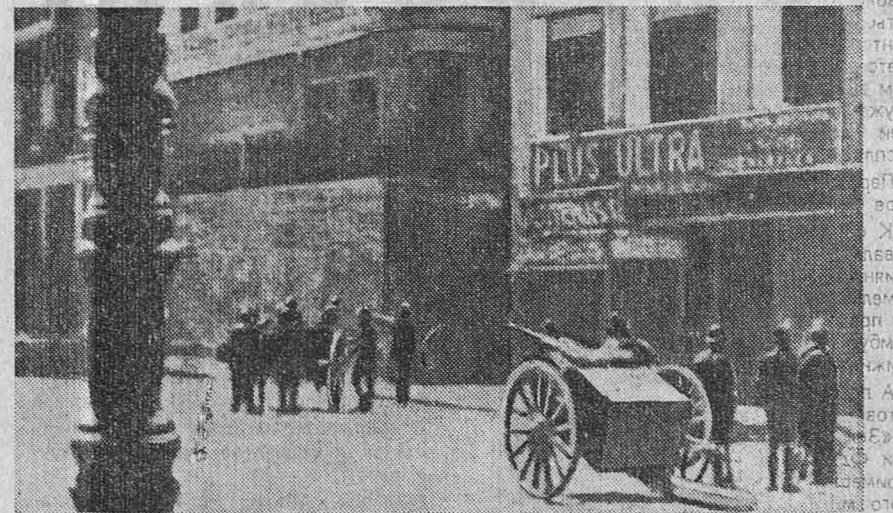
Значит, и в 60-х годах, когда это происходило, кто-то весьма влиятельный не хотел, чтобы правда об убийстве Лорки была предана гласности и подтверждена документально. И, уж конечно, этот кто-то заботился вовсе не о репутации давно умерших майора Вальдеса или генерала Кейпо.

Более того, младший Вальдес сообщил Фахардо, что его отец «получил из Севильи указание строго следить за Лоркой» еще до того, как поэт укрылся в доме Росалесов. Вальдес-сын глубоко убежден: Лорку держали под наблюдением, планируя в будущем обменять на какое-то важное лицо, оказавшееся в руках республиканского правосудия.

Подобный намек для знающих историю гражданской войны в Испании более чем прозрачен. Единственным таким лицом мог быть основатель и руководитель фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера, арестованный республиканцами еще в марте. Не секрет, что фалангисты пытались склонить Франко к идее обмена. Но перспектива иметь рядом с собой сильного соперника в борьбе за власть не привлекала каудильо, и обмен не состоялся. Зато сам каудильо возглавил фалангу, устроив в ней «чистку» и поставив на службу своим целям.

Сорвав возможность обмена Лорки на лидера фаланги, устроив поэта физически, Франко, естественно, был заинтересован в том, чтобы спрятать все концы в воду. Удивительно ли, что Вальдес-старший, самый осведомленный свидетель, ушел на тот свет еще до окончания гражданской войны, в начале 1939 года? «По сути дела, его убили», — утверждает сын.

А папка № 8? Будет ли она когда-нибудь обнаружена? Вряд ли. На протяжении многих месяцев после смерти Франко его сторонники лихорадочно жгли архивы. Особенно тщательно занимались этим в хранилищах министерства внутренних дел.

20 июля 1936 года. Фашисты на улицах Гранады

И тут мы подходим к главному, ради чего предпринят столь пространный экскурс в прошлое. Рассказывая об этом эпизоде в книге «Почти воспоминания», Ридруэхо пишет: «Надо сказать, что если бы он (Руис Алонсо. — Х. К.) действительно пожелал оправдать себя, рассказав всю правду о происшедшем, он не смог бы найти трибуны для подобного объяснения. Даже я — при том, что у меня был такой прямой очевидец событий, как Росалес, — только много времени спустя сумел составить полную картину этой драмы, в которой, со всей очевидностью, «убийцей» был Вельидо, но рукой его двигала высшая сила».

Гибсон упоминает об этом эпизоде лишь вскользь, в одной из сносок к своей книге. Возможно, потому, что расшифровать последние слова Ридруэхо не просто. Это — цитата не из Лорки, как я подумал много вначале, а из испанского эпоса «Песнь о моем Сиде». Там, в частности, повествуется о том, как во время осады города Саморы короля Санчо предательски убивает копьем некий Адольфо Вельидо. Но делает он это не по своей воле, а выполняя прямой приказ королевы Урраки.

Ридруэхо был человеком очень информированным. Показательно, что он не называет ни Вальдеса, ни Кейпо. Впрочем, выражение (да еще взятое из эпоса) «высшая сила» к ним обоим мало применимо. А к Франко оно подходит вполне. Однако высказаться яснее, если Ридруэхо имел в виду именно каудильо — а думается, что так и обстоит дело, — было слишком опасно даже для него.

Окончание. Начало см. «ЛГ», № 12, 1983.